

Теория и методология

Видение многополярности в России и Китае и международные вызовы

© 2010

В. Портяков

Проанализированы подходы России и Китая к концепции многополярного мира. Приведены некоторые количественные оценки мощи и влияния великих держав. Рассмотрены подвижки в мировой иерархии, вызванные экономическим кризисом. Показано, что для закрепления на позициях самостоятельных мировых полюсов России и Китаю требуется последовательное и эффективное преодоление собственных внутренних слабостей и многочисленных международных вызовов.

Ключевые слова: Россия, Китай, многополярность, внутренние слабости, международные вызовы.

I

Сочтя неприемлемым присоединение к евроатлантическому сообществу развитых государств на правах младшего партнера, Российская Федерация уже в первой половине 1990-х годов заявила о своей твердой приверженности принципу многополярного мира. Эта ориентация сохраняется по настоящее время. В Концепции внешней политики РФ, утвержденной президентом Д. Медведевым 12 июля 2008 г., “нарождающаяся многополярность” охарактеризована как “фундаментальная тенденция современного развития”. А в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г., утвержденной 12 мая 2009 г., Россия названа “ключевым субъектом формирующихся многополярных международных отношений”¹.

В Китае тезис о прекращении существования с распадом СССР bipolarной системы мироустройства и вступлении мира “в период развития многополярности” впервые был озвучен Цзян Цзэминем еще в апреле 1992 г. и на протяжении 1990-х гг. отстаивался весьма последовательно и активно. В июле 1995 г. китайский лидер заявил, что “современный мир идет к многополярной структуре, и эпоха, когда одна-две державы или группировки великих держав заправля-

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН. E-mail: portyakov@ifes-ras.ru. Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 09-03-00048a\p

ли мировыми делами и определяли судьбы других государств, больше никогда не вернется". В апреле 1997 г. Цзян Цзэминь указал на "ускоренное развитие тенденции многополярности как на глобальном, так и на региональном уровнях, как в сфере политики, так и в экономике"².

Общая приверженность России и Китая принципу многополярного мира четко прослеживается в коммюнике и совместных декларациях по итогам взаимных визитов глав двух государств в 1990-е годы (от 3 сентября 1994 г., 25 апреля 1996 г., 23 апреля 1997 г., 10 ноября 1997 г., 23 ноября 1998 г.)³. Весьма показательно уже само название документа от 23 апреля 1997 г.: "Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка"⁴.

Нарождающаяся многополярность квалифицировалась в этих документах как более справедливая и демократичная по сравнению с однополярной и биполярной системами международных отношений, обеспечивающая равноправие всех членов международного сообщества и благоприятствующая сохранению мира и стабильности. Непременными атрибутами многополярности провозглашались право всех государств на самостоятельный выбор пути собственного развития, решение спорных проблем путем мирных переговоров, диалога и консультаций, "в духе взаимопонимания и взаимных уступок". Подчеркивалась центральная роль Организации Объединенных Наций в деле регулирования международных отношений формирующегося многополярного мира.

Одновременно многополярность рассматривалась и как инструмент противодействия гегемонизму, средство ослабления "способности сверхдержавы к контролю за международной ситуацией и манипулированию ею"⁵, то есть содержала лишь слегка завуалированный антиамериканский подтекст. Антиамериканский и антинатовский элемент пропаганды в пользу многополярности в России и Китае особенно наглядно проявился в период военных действий США и НАТО против Югославии в 1999 г., осужденных обеими странами. По мнению некоторых китайских политологов, Вашингтон решил поставить Пекин на место, а заодно и предупредить Москву, подвергнув в начале мая бомбардировке посольство КНР в Белграде. Хотя президент США Б. Клинтон принес извинения Цзян Цзэминю и китайскому народу, назвав случившееся "трагической ошибкой", однако практически все в Китае были уверены в преднамеренном характере бомбардировки. Это убеждение еще более окрепло после столкновения близ острова Хайнань 1 апреля 2001 г. китайского истребителя с американским разведывательным самолетом, повлекшего гибель китайского летчика⁶.

Как бы то ни было, в 2000-е годы пропаганда многополярности мира в Китае несколько приглушается. Сам термин в официальных документах встречается, но используется скорее ритуально, без особого развития и пояснения (как, например, в Отчетном докладе Ху Цзиньтао XVII съезду КПК). Одновременно констатировалось, что США активно противодействуют развитию многополярности и используют военную и экономическую мощь для укрепления своего ведущего сверхдержавного положения в мире. При этом совокупный потенциал Западной Европы, Японии, России и Китая, которые в принципе могли бы выступить против соответствующей политики США, оценивался как "несопоставимый с американским". В связи с этим делался вывод, что сложившаяся в мире архитектура стратегических сил, описываемая формулой "одна сверхдержава — несколько держав", будет существовать довольно длительное время⁷.

Подвижки в видении многополярности в Китае объясняются не только давлением со стороны США и более трезвой оценкой соотношения сил в мире. С вступлением во Всемирную торговую организацию в конце 2001 г. Китай стал получать значительные дивиденды от встраивания в существующую систему международных отношений, от следования устоявшимся нормам функционирования системы, а не от попыток навязать ей какие-то свои правила игры.

Важную роль сыграло и выдвижение Ху Цзиньтао концепции “гармоничного мира”. Ей соответствует существенно менее конфронтационная картина международных отношений, нежели та, которую может сформировать активное продвижение многополярности. Китай в последние несколько лет всячески подчеркивает, что является ныне строителем и участником сложившейся системы международных отношений, а не ее ниспровергателем.

Наконец, Китай, продолжающий идентифицировать себя как развивающуюся страну, не может не учитывать весьма распространенного в развивающемся мире убеждения, что многополярность, точно так же, как и биполярность и однополярность, есть не что иное, как “разборки” великих держав между собой, в равной мере игнорирующие интересы других государств⁸.

Что касается России, то у части ее экспертного сообщества доминировало представление, что сложившаяся с середины 1990-х годов структура международных отношений де-факто является однополярной. Показательно в этом плане заглавие одного из разделов учебника МГИМО по международным отношениям: “Становление однополярного мира (1996–2008 гг.)”⁹.

В последние годы ситуация стала несколько меняться. Новые нюансы появились в общем российско-китайском видении многополярности. В Совместной декларации КНР и РФ по основным международным вопросам от 23 мая 2008 г., подписанной Д. Медведевым и Ху Цзиньтао, и Совместном российско-китайском заявлении об итогах встречи на высшем уровне в Москве от 17 июня 2009 г. понимание многополярности было расширено с геополитической сферы на культурно-цивилизационное пространство. Была выражена поддержка различным многосторонним объединениям с акцентом на перспективность сотрудничества в форматах Россия—Индия—Китай и особенно БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай)¹⁰.

Термин “многосторонность” (мультилатерализм, “добяньчжуи”), предполагающий ориентацию в международных отношениях на взаимный учет интересов, диалог и сотрудничество, прочно вошел в современный китайский политический лексикон. Представлен он и в Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 г. Не являясь абсолютной альтернативой многополярности, многосторонность предлагает, возможно, оптимальный конечный вариант ее эволюции, позволяя привлечь к принятию решений на постоянной основе не только великие державы, но и намного более широкий круг государств и международных организаций.

Свои коррективы внес и мировой финансово-экономический кризис. Вызванные им подвижки в позициях ведущих мировых акторов придали свежий импульс дискуссиям о многополярности. Усилившийся Китай ныне ищет оптимальные варианты адаптации к новой для него позиции де-факто второго по комплексной мощи центра силы в мире. А в ослабевшей России усилились призывы к стратегическому союзу с Европой с целью формирования полноценного мирового полюса¹¹.

II

Как в России, так и в Китае неоднократно предпринимались попытки дать количественную интегральную оценку иерархии и соотношения мощи основных центров силы в мире. Такие оценки позволяли также понять, что происходит с мировой архитектурой: остается ли она однополярной или, напротив, меняется в пользу многополярности и насколько быстро.

Довольно широкую известность получили китайские оценки комплексной мощи государств, представленные профессором Ху Аньганом и Китайской академией современных международных отношений (КАСМО). Ху Аньган на основе анализа экономических, трудовых, природных, финансовых, административных, военных, международных ресурсов и научно-технического потенциала пяти стран — Китая, Индии, Японии, США, России — рассчитал динамику изменения их комплексной мощи в период 1980–1998 гг. (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Комплексная мощь государства

	1980	1985	1990	1995	1998	Прирост
Китай	4,736	5,306	5,646	7,163	7,782	3,046
Индия	3,376	3,615	3,735	4,008	4,365	0,989
Япония	6,037	6,337	7,317	8,535	7,749	1,712
Россия	—	—	—	3,271	2,808	—
США	22,485	22,022	22,138	21,903	22,785	0,300

Источник: Ху Аньган. *Чжунго да чжаньлюэ [Большая стратегия Китая]*. Хан-чжоу, 2003. С. 68.

В КАСМО ввели в оборот понятие “комплексной мощи 1”, рассчитанной для семи государств на основе “твердых факторов”, и “комплексной мощи 2”, скорректированной в соответствии с оценкой таких “мягких факторов”, как политическая система, социальная ситуация, международное влияние (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Комплексная мощь государства: оценка КАСМО (на 1998 г.)

	США	Япония	Франция	Англия	Германия	Россия	Китай
КМГ1	8371	5112	4270	4070	3918	3203	2175
КМГ2	6090	3096	3254	2830	2720	1604	1101

Источник: *Чжунго гоцин голи. Пекин, 2000. № 11. С. 22.*

Оба ряда оценок выявили по состоянию на конец 1990-х гг. подавляющее превосходство США над следующими за ними по мощи конкурентами: двукратное у КАСМО и трехкратное у Ху Аньгана. То есть мир на тот момент вполне вписывался в китайскую формулировку “и чао до цян” (одна сверхдержава — группа крупных стран). К сожалению, в последующем публикации новых данных о комплексной мощи государств в КНР практически прекратились, по крайней мере в известных нам источниках. Последние по времени оценки датированы январем 2006 г. и представлены в “Желтой книге о международной обстановке”,

подготовленной Академией общественных наук Китая. США по-прежнему занимали первое место (90,65 балла) с солидным отрывом от Великобритании (65,04), России (63,03), Франции (62,00) и Германии (61,93). Далее следовали Китай (59,10) и Япония (57,84). Замыкала десятку Индия с 50,43 балла¹².

Российский вариант мировой таблицы о рангах представлен в “Политическом атласе современности”, подготовленном специалистами МГИМО-Университета и опубликованном в 2007 г. Комплексный рейтинг стран по индексу потенциала международного влияния по состоянию на 2005 г. возглавляли США (10 баллов), за которыми на почтительном расстоянии располагался Китай (3,93 балла). В первую десятку также вошли Япония, Германия, Франция, Великобритания, Индия, Италия и Саудовская Аравия¹³. Хотя Россия с показателем в 2,6 балла заняла в этом перечне только 7-е место, она, тем не менее, была вместе с Китаем и США причислена к “ядру” “клуба мирового влияния”¹⁴.

В любом случае, однако, российские оценки, так же как и китайские, по состоянию на середину текущего десятилетия зафиксировали статус США как единственной сверхдержавы в мире. То есть, иными словами, международная система всего несколько лет назад еще не была многополярной в подлинном смысле этого слова: многополярность выглядела не столько как уже достигнутое состояние, сколько как проекция на будущее, причем неблизкое.

Насколько радикально изменил данную ситуацию мировой финансово-экономический кризис? Ряд китайских политологов считает, что кризис повлек за собой “наиболее крупные изменения в международной системе и геополитике со времени окончания “холодной войны”... Главное из них состоит в том, что ускорилась трансформация прежней системы “одна сверхдержава — группа крупных стран” в многополярный мир”¹⁵. Встречаются и более радикальные заявления, согласно которым “эра однополярной американской гегемонии заканчивается и может никогда не вернуться”¹⁶.

Таблица 3

Валовой внутренний продукт некоторых стран мира в 2008–2009 гг. (млрд долл. США)

Наименование		2008	2009
Мировой валовой продукт	в текущих ценах	61221	57937
	по паритету покупательной способности (ППС)	69569	69808
Россия	ВВП в текущих ценах	1660	1229
	ВВП по ППС	2263	2109
Китай	ВВП в текущих ценах	4520	4909
	ВВП по ППС	7066	8765
Индия	ВВП в текущих ценах	1207	1236
	ВВП по ППС	3298	3526
США	ВВП в текущих ценах	14441	14256
	ВВП по ППС	14441	14256
Япония	ВВП в текущих ценах	4887	5068
	ВВП по ППС	4336	4159
Германия	ВВП в текущих ценах	3673	3352
	ВВП по ППС	2918	2806

Источник: Составлено по данным сайта www.imf.org

На наш взгляд, посткризисная расстановка сил еще недостаточно ясна. В частности, вряд ли кризис сколько-нибудь существенно поколебал подавляющее превосходство в военном отношении Соединенных Штатов, на которые приходится более половины мировых расходов на оборону. Судя по данным Международного валютного фонда, более определенно можно говорить о некотором общем ослаблении экономических позиций большинства ведущих держав мира, включая Россию, при одновременном укреплении в этой сфере Китая (см. Таблицу 3).

Международный валютный фонд прогнозирует дальнейшее приближение абсолютного размера ВВП Китая, рассчитанного по паритету покупательной способности национальной валюты, к уровню США (см. Таблицу 4).

Таблица 4

Прогноз изменения доли ряда государств в мировом валовом продукте (по паритету покупательной способности, процентов)

Страна	2009	2015
США	20,45	18,28
Китай	12,52	16,92
Япония	6,00	5,28
Индия	5,06	6,12
Германия	4,02	3,44
Россия	3,05	2,97

Источник: Составлено по данным сайта www.imf.org

Экономический динамизм Китая приносит ему и политические дивиденды. Так, журнал “Economist” полагает, что в первую очередь именно с этим фактором связан заметный рост доли людей, воспринимающих Китай позитивно: в США она достигла ныне 50% по сравнению с 39% в 2008 г., в Нигерии (наивысшая оценка) увеличилась с 79 до 85% и даже в Японии (низшая оценка) выросла с 14 до 26%¹⁷. Судя по публикациям в китайской печати, КНР начинает вживаться в новый для нее статус де-факто державы номер два в мировой иерархии, видя на данном этапе одну из своих главных задач в том, чтобы не вызвать жесткой негативной реакции на “китайское возвышение” державы номер один — США. Симптоматично в данном контексте обращение в Китае к изучению истории подъема самих США, которые “не бросали открытого вызова являвшейся гегемонией Англии”, однако сумели развить себя и в конечном счете добились смены гегемона мирным путем¹⁸. Декларируется также необходимость для Китая “учиться у Европейского Союза управляться со своей позицией номер два в мире”¹⁹.

Очевидное ухудшение экономических позиций России в условиях кризиса чревато ослаблением ее международно-политического статуса. В этом отношении весьма симптоматичны мелькавшие в печати призывы исключить Россию из состава группы БРИК²⁰. Так что подтягивание “экономических тылов”, проведение подлинной модернизации страны становятся обязательным условием сохранения России в числе великих держав и важным критерием обоснованности ее претензий на роль самостоятельного полюса многополярного мира.

III

При всей важности экономического фактора он не является единственным критерием обладания статусом “великой державы” и не служит твердой гарантией реальной способности страны играть роль самостоятельного полюса мировой политики. Классические теории международных отношений определяют “полярность” как “распределение среди членов системы государств военных, экономических и других способностей ведения войны”. Когда такие возможности концентрируются в руках одной доминирующей страны, система обретает однополярную структуру... Когда ими обладают несколько примерно равных стран, система приобретает многополярную структуру²¹. В то же время на практике та или иная страна обретала статус великой державы, как правило, в результате общего ее признания в этом качестве другими членами международного сообщества, а не вследствие достижения ею каких-либо жестких критериев такого статуса. Политологи, историки и специалисты по проблемам безопасности консенсусно включают в действующий перечень великих держав США, КНР, Германию, Великобританию, Францию, Японию и Россию²². В китайском журнале “Сяньдай гоцзи гуаньси” (“Современные международные отношения”), где раз в квартал дается количественная оценка уровня отношений Китая с другими “да го” — “державами” — в число таковых включена еще и Индия. Нетрудно заметить, что все нынешние великие державы обладают внушительным набором показателей “твердой мощи” (ядерный и оборонный потенциал, размеры ВВП и внешней торговли, население, территория, природные ресурсы) и рядом весомых признаков “мягкой мощи”, хотя и весьма различных. В их числе культурно-цивилизационное своеобразие, культурно-религиозное и языковое влияние, качество жизни и политических институтов. Подчас к важнейшим факторам “мягкой мощи” причисляют и некий генерализованный “бренд” страны, то есть ее наиболее типичное восприятие в мире. Отметим также, что статус великой державы не дается раз и навсегда: его можно как утратить, так и восстановить (и то, и другое, например, произошло в XX веке с Германией и Японией).

Если исходить из критериев, предложенных Б.Н. Кузыком и его коллегами²³, то, даже существенно “сжавшись” по сравнению с параметрами СССР, постсоветская Россия сохранила статус великой державы в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН, по размерам территории и природным ресурсам, оборонному потенциалу, культурно-религиозному и научно-образовательному факторам. По демографическим параметрам Россия находится у нижней границы допустимого для великой державы диапазона (2–5% населения обитаемого мира). То же самое можно сказать и об экономике. Здесь высокий статус по уровню мирового влияния в сфере добычи и экспорта углеводородов, производству некоторых видов военной техники и оборудования для АЭС соседствует с утратой масштабов даже региональной державы по основной гамме продукции перерабатывающей промышленности и машиностроения. Противоречивая картина складывается у России и по таким критериям, как уровень управляемости и качество жизни.

Весомую роль в сохранении Россией своих позиций в международном сообществе играет субъективный фактор в виде ее собственного твердого стремления остаться на обозримую перспективу мировой державой. Здесь, несомненно, сказывается приверженность имперской традиции, предполагающая, в том числе, наличие собственной сферы влияния или, как минимум, “зоны заметного при-

сутствия российских интересов”. С другой стороны, в России многие искренне полагают, что только статус великой державы или самостоятельного полюса со всеми их атрибутами позволит обеспечить безопасность страны и сохранить ее целостность. Напротив, став “нормальным” или “обыкновенным” государством, Россия просто не выживет.

В то же время нельзя не видеть серьезных внутривнутриполитических слабостей России. Основные из них, на наш взгляд, объективно отражены в Индексе процветания Legatum, рассчитываемом английскими экспертами для 104 стран. В 2009 г. Россия заняла в нем 69-е место (КНР — 75-е), прежде всего из-за слабых позиций по таким компонентам, как личная безопасность — 99-е место (у КНР — 65-е), персональные свободы (88-е и 91-е места соответственно), демократические институты (85-е против 100-го у КНР)²⁴.

В ряде случаев недостатки России являются своего рода продолжением ее достоинств. Так, большая территория, в принципе записываемая “в плюс”, требует, особенно при ее недостаточной заселенности, значительных усилий по сохранению суверенитета над нею. Многонациональный состав населения страны, обеспечивающий культурно-цивилизационную уникальность России, одновременно осложняет управление государством и обеспечение внутренней стабильности.

Претензии России на статус самостоятельного полюса снижает отсутствие ясных перспектив развития страны. Опрос экспертного сообщества России, проведенный в 2005 г. журналом “Политический класс”, показал, что многие его участники полагали вероятным отпадение к 2050 г. части территории или даже распад страны.

И все же, пожалуй, главная слабость России как великой державы — это преимущественно негативное ее восприятие в мире. Из-за ее исторического наследия и вследствие особенностей развития в последние двадцать лет Россия видится в первую очередь как государство, часто действующее жесткими методами, слышащее только собственные речи и мало прислушивающееся к мнению других членов международного сообщества.

Показательно, что в глобальном индексе миролюбия (Global Peace Index) Россия стабильно находится на очень низких позициях — в 2007 г. на 118-м месте из 121 ранжированной страны, в 2008 г. — на 131-м из 140 стран, в 2009 г. — на 136-м из 144. В то же время у Китая, приложившего немало усилий для налаживания политики добрососедства в отношении сопредельных государств, “миролюбие” оценено как “среднее” (у России — “очень низкое”). В 2009 г. он занял в рейтинге 74-е место. Для сравнения у Японии 7-е, у Германии 16-е, у Франции 30-е, у Великобритании 35-е, у США 83-е, у Индии — 122-е место²⁵.

Попытки России улучшить ситуацию с собственным международным “брендом”, позиционировав себя как “энергетическую сверхдержаву”, похоже, дали обратный эффект в виде стремления ряда партнеров снизить зависимость в импорте углеводородов от Москвы. Как следствие вышесказанного, отстаиваемая Россией многополярность нередко воспринимается, особенно в Европе, как нечто архаичное, весьма напоминающее по своей сути силовую политику и противоборство великих держав XIX века.

Китай близок к статусу сверхдержавы не только по населению, территории, внешнеполитическому влиянию, но и по параметрам физической экономики — на него приходится половина и более мирового производства стали, цемента, широкой гаммы продукции бытовой электроники. Усиливаются позиции стра-

ны в научно-образовательной сфере: Китай ставит перед собой задачу стать из “мировой фабрики” одним из ведущих инновационных государств. Относительная ресурсная слабость страны, которую ныне Пекин пытается преодолеть за счет экономической экспансии вовне²⁶, может смягчиться в случае серьезных сдвигов в структуре экономики, эффективного энергосбережения и общей смены типа экономического роста с экстенсивного на интенсивный. Хотя в военном отношении Китай за два последних десятилетия существенно укрепился, по размеру расходов на оборону он все еще отстает от США почти в десять раз²⁷. Несмотря на очевидное наращивание культурного влияния страны за годы реформ, в Пекине его считают все еще недостаточным. Один из “Докладов о модернизации Китая”, публикуемых группой экспертов из ведущих научных центров КНР с 2001 г., специально посвящен модернизации культуры. В нем Китай по степени культурного влияния поставлен на 7-е место в мире (в 1990 г. — 11-е) — вслед за США, Германией, Великобританией, Францией, Италией и Испанией, а его доля на мировом рынке культуры, где 43% занимают США, охарактеризована как незначительная. В связи с этим ставится задача содействовать, в частности, через создание “Институтов Конфуция”, дальнейшей глобализации китайской культуры, а с нею — и росту престижа Китая²⁸.

Главные слабости КНР как претендента на роль мирового полюса связаны с незавершенностью процесса воссоединения страны (“тайваньская проблема”), демографическим давлением, наличием на окраинах крупных регионов с титульным неханьским населением (Тибет, Синьцзян) и со спецификой политической системы. Китай располагает очевидным потенциалом дальнейшего роста, однако его реализация требует длительных разносторонних усилий.

Восприятие Китая в мире противоречиво. После событий 1989 г. позитивный образ “Китая реформирующегося” сменился на несколько лет на негативный “брэнд” авторитарного режима с неудовлетворительным уровнем политических свобод и защиты прав человека. В настоящее время более или менее позитивный облик “Китая развивающегося” тесно переплетен с более негативно воспринимаемым в мире образом “Китая расширяющегося”.

Осознавая весомые слабости своих отечеств в ряде компонентов “твердой” и особенно “мягкой силы”, некоторые российские и китайские эксперты периодически выдвигают “компенсирующий” тезис об особой моральности России и Китая, их якобы несомненном моральном превосходстве над странами Запада. Отметим, однако, что жизненные реалии не подтверждают этот тезис. Так, по индексу восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index), рассчитываемому организацией Transparency International (имеет представителя и в России), Россия в 2009 г. заняла 146-е место из 180 стран, Китай — 79-е, что существенно хуже, чем у других великих держав, кроме Индии (84-е место): 14-е у Германии, 17-е у Японии и Великобритании, 19-е у США, 24-е у Франции²⁹. Этот ряд легко продолжить: размах проституции, неприятие инакомыслия, чудовищный разрыв в уровне доходов и т.д., и т.п.

Так что закрепление Россией и Китаем своего глобального статуса требует от них прежде всего последовательных и серьезных усилий по преодолению внутренних слабостей.

IV

В отстаивании и укреплении своего статуса самостоятельных полюсов многополярного мира Россия и Китай сталкиваются не только с внутренними, но и с многочисленными внешними вызовами.

Среди технологических вызовов выделяется высокая степень зависимости и России, и Китая от западных технологий, которая сохранится как минимум на ближайшие 10–15 лет. Критически опасным фактором в обычной ситуации она не является и даже ориентирует Москву и Пекин на устойчивое экономическое сотрудничество с производителями передовой техники. Однако данное обстоятельство наносит достаточно болезненный удар и по самолюбию, и по статусу великой державы, а в случае обострения отношений с Западом оно чревато серьезными негативными последствиями.

Еще один технологический вызов — развитие низкоуглеродных энергосберегающих технологий, в том числе в контексте стратегии замедления глобального потепления. Россию оно может лишить значительной части ее главного естественного сравнительного преимущества — обладания крупными запасами нефти и газа. Китаю их внедрение грозит существенным снижением темпов экономического роста, давая в то же время возможность уменьшить спрос на зарубежные ресурсы.

Весьма широк перечень культурно-цивилизационных вызовов. Основные из них, на наш взгляд, это продолжающееся наступление “глобального Голливуда”, грозящее маргинализацией русской и китайской культур, доминирование в мире английского языка и растущая активность сторонников радикальных течений ислама. Заметим, что все эти вызовы объективно подталкивают Россию и Китай к более тесному сотрудничеству в их нейтрализации.

И все же наиболее часто и в Москве, и в Пекине говорят о международно-политическом вызове, под которым понимается противодействие Запада укреплению позиций России и Китая в мире.

Отчасти такое противодействие возвышению Китая и возрождению России объясняется классической боязнью сильного конкурента и неизжитым наследием прежнего идеологического противостояния. Однако есть и другой аспект проблемы, когда несогласие вызывает не мощь России и Китая как таковая, а характер ее использования, равно как и более широкая внешнеполитическая проекция внутривнутриполитической специфики двух стран. Адресуемое Западом России и Китаю как глобальным субъектам международных отношений требование о проведении “ответственной политики”, дополняемое уже давно апробированной стратегией “вовлечения”, создает объективную основу для взаимной адаптации этих держав и западного мира и для углубления сотрудничества между ними на основе доминирующих в мировой системе норм и правил. Разумеется, отстаивать свои интересы нужно и в этом случае, но и без учета озабоченностей других членов международного сообщества, без известного самоограничения России и Китая в их глобальной политике уже не обойтись.

Китай, как известно, согласился со своей идентификацией как “ответственной глобальной державы”, хорошо понимая, что это налагает на него дополнительные обязательства и во внешней, и во внутренней политике³⁰.

В России, особенно с выдвижением задачи радикальной модернизации, обозначилось вполне очевидное стремление к углублению взаимопонимания и сотрудничества с США и Европой, чаще звучат заявления о проведении “ответ-

ственной политики”. Закрепление таких тенденций на долговременной основе повысит шансы на формирование неконфронтационной модели многополярного мира.

Что касается конкретного формата такого мира, то здесь, исходя из нынешней ситуации, возможны различные сценарии (причем они не являются абсолютно взаимоисключающими, а скорее могут быть реализованы поэтапно, один за другим).

Вариант 1. Сохранение доминирования США с учетом превосходства их военной мощи, сохранения ключевых позиций в мировых финансах и возможного восстановления экономических позиций. На наш взгляд, такая ситуация может сохраниться не далее 2020 г. Относительные позиции США как сверхдержавы будут ослабевать.

Вариант 2. Биполярный мир. Воссоздание страновой биполярности маловероятно. Даже при существенном укреплении Китая он может рассчитывать в обозримой перспективе максимум на “полутораполярный мир”. Некоторые шансы имеет нечто вроде групповой биполярности (Запад—”не-Запад”, США—Европа—Япония vs БРИК и т.п.).

Вариант 3. Минимальная многополярность, то есть формирование трех центров силы. Главные кандидаты: США, Китай и Европа, остальные державы, включая Россию, в некотором отдалении.

Вариант 4. Естественная многополярность в составе США, Китая, России, Индии, Японии, Бразилии и Европейского Союза.

Вариант 5. Расширенная многополярность в составе “Группы 20” или несколько уже.

На наш взгляд, ближе к оптимальному вариант “естественной многополярности”. Он, кстати, вполне созвучен Совместному заявлению по итогам российско-китайской встречи на высшем уровне от 23 ноября 1998 г. “Российско-китайские отношения на пороге XXI века”, в котором констатировалось: “XXI век не должен и не может стать исключительно “американским”, “европейским” или “азиатско-тихоокеанским” веком... Он должен и может стать периодом сосуществования и взаимобогащения культур и традиций различных государств и регионов”³¹.

Да будет так.

-
1. Документы размещены на сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации www.mid.ru.
 2. Цит. по: Ху Шусян (гл. ред.). Дипломатия Китая и международная стратегия развития [Чжунго вайцзяо юй гоцзи фачжань чжаньлюэ яньцзю]. Пекин, 2009. С 103–104
 3. См.: Сборник российско-китайских договоров, 1949–1999 гг. М., 1999.
 4. Там же. С. 382–384.
 5. Ху Шусян (гл. ред.). Дипломатия Китая и международная стратегия развития. Пекин, 2009. С. 107.
 6. Heller P. Oracle bones: a journey between China’s past and present. New York, 2006. P. 21, 295–300.
 7. Ху Шусян (гл. ред.). Дипломатия Китая и международная стратегия развития. Пекин, 2009. С. 109.
 8. Ван Ичжоу. Небольшой рассказ о “многополярности” // Ван Ичжоу. Глобальная политика и внешнеполитический курс Китая [Цюаньцю чжэнчжи хэ Чжунго вайцзяо]. Пекин, 2003. С. 206–207.
 9. См.: Богатуров А.Д., Аверков А.В. История международных отношений (1945–2008 гг.). М., 2009.
 10. См.: Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 4. С. 10–13; 2009, № 4. С. 3–10.

11. Караганов С. А., Юргенс И. Ю. (ред.). Россия vs Европа: противостояние или союз? М., 2010. С. 9–11.
12. Эти данные воспроизведены в электронной энциклопедии Wikipedia в статье “Comprehensive national power” (“Комплексная национальная мощь”).
13. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М., 2007. Методика расчета индекса описана в работе достаточно подробно. В качестве основных критериев учитываются военные расходы (вес — 0,85), доли в мировом экспорте (0,80), мировом валовом продукте (0,77), мировом населении (0,48). В качестве дополнительных — индексы качества жизни, институциональных основ демократии, государственности и рейтинг уровня внешних и внутренних угроз.
14. Там же. С. 186.
15. 2009 Чжунго гоцзи дивэй баогао [Доклад о международном статусе Китая — 2009]. Пекин, 2009. С. 16.
16. Yuan Peng. China's Strategic Choices — Contemporary International Relations. Beijing. Jan/Feb. 2010, p. 21.
17. The Economist. 2010. 8 May. P. 29.
18. 2009 Чжунго гоцзи дивэй баогао. С. 15.
19. Huang Ying. Summary of Symposium on the First Anniversary of the World Financial Crisis // Contemporary International Relations. Beijing 2009. Nov/Dec. P. 121.
20. См., например: Рубини Н. Четыре минус один // Ведомости. М., 2009. 23 окт.
21. Encyclopedia of International Relations and Global Politics/Edited by Martin Griffiths. L.; New-York, 2009. P. 651.
22. Ibidem. P. 351.
23. См.: Кузык Б. Н., Агеев А. М., Добродеев О. В., Куроедов Б. В., Мясоедов Б. А. Россия в мире: страна и время (история будущего). М., 2004. По степени влияния на мир и уровень самообеспеченности авторы выделяют четыре группы государств: сверхдержавы, великие державы, региональные державы, малые и средние страны. Для оценки вводится экспертная количественная шкала по каждому из девяти учитываемых параметров: управление (понимаемое в широком смысле слова, как способность руководства эффективно контролировать и регулировать идущие в стране процессы), территория, природные ресурсы, население, экономика, культура и религия, наука и образование, армия, внешняя политика.
24. Legatum prosperity index 2009. — <http://www.prosperity.com/rankings.aspx>.
25. <http://www.visionofhumanity.org/gpi/results/rankings/2009/>. Глобальный индекс миролюбия разработан организацией Vision of Humanity. Рассчитывается по 23 показателям, сгруппированным по таким группам, как конфликтность (внутренние и внешние конфликты страны за период 2002–2007 гг.), отношения с соседними странами, общественная безопасность, милитаризация общества.
26. В Китае свою стратегию экспорта капитала, разработки месторождений полезных ископаемых и поиска рынков сбыта за рубежом характеризуют как “выход вовне” (“цзоучуцуй”). Декларируется, в том числе высшим руководством КНР, и необходимость “осваивать внешнее пространство развития экономики страны” (“Точжань вого цзинцзи фачжань дэ вайбу кунцзянь”). К каким эвфемизмам ни прибегай, суть дела не меняется: речь идет об экономической экспансии Китая в мире. В мае 2010 г. в сингапурском аэропорту Чанги продавалась книга гонконгского автора, которая так и называлась “Китай: глобальная экспансия” [“Чжунго: цюанью кочжань”].
27. На 2010 г. официальный военный бюджет КНР запланирован в объеме 78 млрд долл. против 708 млрд у США (у России 41,7 млрд долл.). Время новостей. М., 2010. 5 марта.
28. How to improve China's soft power? // People's Daily Online. 2010. 12 march.
29. http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2009.
30. Подробнее см.: Портяков В. Становление Китая как ответственной глобальной державы // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6. С. 3–13.
31. Сборник российско-китайских договоров, 1949–1999 гг. М., 1999. С. 454.